

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Фамилия

ЛИЗА БЕТТ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лиза Бетт
Фамилия

Серия «В плену Орсини», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69583402

SelfPub; 2024

Аннотация

Она – невеста самого влиятельного босса мафии. Он – наемник, который оказался в плену у этой мафии. Его попытка сбежать сорвалась из-за нее. Они – враги по разные стороны баррикад. Но один вечер переворачивает их жизни с ног на голову. Он похищает ее. И теперь уже она – пленница. А он надзиратель. Теперь её жизнь в его руках. Хватит ли ему выдержки ненавидеть ее так же сильно, как прежде? Хватит ли сил отомстить врагу, используя ее, как наживку? И сможет ли он устоять перед ее чарами и не поддаться этому губительному влечению?

Содержание

Аннотация	4
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лиза Бетт

Фамилия

Аннотация

Она невеста самого влиятельного босса мафии.

Он наемник, который волей судьбы оказался в плену у этой мафии.

Они – враги по разные стороны баррикад.

Но один вечер переворачивает их жизни с ног на голову. Он похищает ее. И теперь уже она – пленница. А он надзиратель. Теперь её жизнь в его руках.

Хватит ли ему выдержки ненавидеть ее так же сильно, как прежде? Хватит ли сил отомстить врагу, используя ее, как наживку? И сможет ли он устоять перед ее чарами и не поддаться этому губительному влечению?

Глава 1

Светает.

Розовеющие блики рассветного солнца проникают в комнату и падают на огромную фигуру широкоплечего мужчины.

Я поднимаю голову с подушки, и взгляд тут же утыкается в мужскую спину.

Герман рывком набрасывает на плечи рубашку, расправляет ее и приступает к ряду белоснежных пуговичек. Его темные длинные волосы ниспадают на воротничок, слегка выются после душа. На белом хлопке темнеет пара капель, упавших с его локонов.

Я нежусь в постели. Провожу рукой по его стороне матраса, но она уже остыла. И если бы не вмятина на подушке, я решила бы, что эта ночь мне приснилась. Ночь, когда мой мужчина впервые за много лет не был осторожен.

– Еще слишком рано, постарайся уснуть, – он не оборачивается, но его красивый голос наполняет комнату, и я понимаю, что Герман обращается ко мне. Он заправляет низ рубашки в обтягивающие темные брюки и застегивает ремень. Мои глаза против воли опускаются на его твердые как орех ягодицы, и я сглатываю, вспоминая как впивалась в них ногтями в момент когда он был глубоко во мне.

По телу проходит дрожь.

– Уже уезжаешь? – хрипло произношу, натягивая на грудь пушистое, как облако одеяло. Зарываюсь в перину, томно вытягиваясь во весь рост.

– На границе нашли беглеца. Мои люди взяли его, говорят, он вполне сойдет для боев без правил.

– Думаешь он заменит Артура?

– Артура никто не заменит, – широкие плечи устало опускаются и Герман ведет подбородком в сторону. Цепляет с комода наручные часы и защелкивает браслет.

– Не следовало тебе его убивать, – говорю мягко, и тут же сталкиваюсь с взглядом темно-карих глаз. Герман оборачивается и смотрит на меня в упор.

– Нет, следовало. Он посягнул на моё! Всем известно, что ты – моя собственность. Им не позволено говорить с тобой и приближаться без ведомой на то причины. А он решил, что ему все можно. И поплатился! – горячность в тоне пугает, но я уже привыкла к вспыльчивости моего мужчины, поэтому лишь веду плечом, сдаваясь.

– Я буду скучать по тебе, – говорю примирительно. – Поскорее возвращайся.

Герман подходит к постели, садится на ее край и отводит с моей щеки прядь темных волос. Смотрит пристально, будто пытается проникнуть в мою голову и прочесть мои мысли. Но я уже привыкла к его взгляду. Он всегда так смотрит. И раз мне нечего скрывать, я отвечаю ему таким же взором.

– Когда ты понесешь и родишь мне сына, я на тебе женюсь.

Я едва уловимо вздрагиваю, понимая, что выдала себя лишним взмахом ресниц. Родить сына Герману Орсини – честь и мечта всех эскортниц, которые охотятся за богатыми мужьями. Так почему же меня так пугает перспектива стать его женой? Почему от одной мысли, что я буду носить под сердцем его ребенка, кровь стынет в жилах?

– Тебе понравится, – читает мои мысли и медленно, как будто я сделана из хрусталя, гладит скулу. – Мое семя уже в тебе, и скоро все задуманное свершится.

Поднимается с постели, а я доверчиво провожаю его взглядом, и только когда за Германом закрывается дверь, я позволяю себе выдохнуть.

Резко поднимаюсь с постели, торопливо врываюсь в ванную и открываю горячий душ, который только стерпит кожа. Струи ударяют по ней, обжигают, но я лишь покорно стою и не шевелюсь. Меня начинает бить дрожь.

Если бы у меня была возможность, я съездила бы в город в первую попавшуюся аптеку и купила экстренную контрацепцию. Но из этого ада под названием особняк Германа Орсини, он же Фамилия, запрещено выезжать. Я в плену здесь уже шесть лет.

Упираюсь руками в горячий кафель, поднимаю лицо горячим струям.

Он убил Артура – единственного человека, которому я доверяла. Единственного, кто помог бы мне сбежать из этого ада. И больше надежды нет. Нет и лазеек, ведь Артур – един-

ственный, кто знал путь из этого места на большую землю. А больше такого человека нет. Как же уйти? Как сбежать теперь?

Ударяю по кафелю, ладонью, и будто выключатель внутри щелкает. Выдыхаю. Поднимаю голову и ловлю свое отражение в зеркале.

Если кто-то догадается, меня убьют раньше, чем я успею придумать правдоподобное оправдание. Нельзя показывать никому свои чувства. И нельзя никому говорить о своих планах.

Здесь нет друзей.

И пускай Герман и говорит, что мы семья, я-то знаю правду. На самом деле мы стая волков, где каждый готов перегрызть глотку другому. Всем известно, если проявишь слабость – тебя тут же сожрут, пощады не получит никто. Будь ты вооруженный охранник, которых по периметру поместья пруд пруди. Будь ты наложница, предназначенная для услаждения дорогих гостей и вожака. Стоит тебе оступиться, последнее, что ты увидишь в этой жизни – будет искаженное яростью лицо Германа и его пистолет, приставленный к твоему лбу.

Вожак не допустит, чтобы в семье были предатели.

Поэтому нельзя, чтобы он усомнился в моей верности и преданности.

Тянусь к шампуню и давлю его на ладонь. Делаю воду менее горячей и с холодным сердцем принимаю душ. После су-

шу волосы, надеваю одно из домашних платьев и привычным ритуалом наношу макияж.

Артура больше нет, но я могу попытаться найти другого сообщника из местной охраны. И кто знает, может в этот раз мне повезет, и я выберусь из этого ада.

Глава 2

– Держите его! – слышу крики со стороны ворот и вздрагиваю, устремляя взор туда.

Герман уже вернулся и сейчас напряженно наблюдает, как пятеро охранников пытаются усмирить какого-то амбала. Трое повалили его на землю, еще двое суетливо пытаются зацепить на его запястья наручники. И им едва это удастся, ведь мужчина силен и проворен. И даже пятеро справляются с ним с большим трудом.

Медленно иду к ним, Герман замечает меня и его глаза теплеют. Стоит мне оказаться рядом, он тут же сгребает меня и слегка придушив целует в губы. От этого касания тело пронзает дрожь, он всегда умел доставить удовольствие женщине, в любых плоскостях отношений. Но крики охраны напрягают, и я отстраняюсь.

– Что планируешь с ним делать? – спрашиваю, стараясь не выказывать слишком явную заинтересованность. Этот мужчина очень крепок и хорошо сложен. Он мог бы стать надежным сообщником в моем побеге. Осталось понять, как обернуть ситуацию себе на пользу.

– В боях без правил ему не будет равных, – с гордостью отвечает Герман, кажется не заметив моего интереса. – Только посмотри, какая комплекция. Он станет моим лучшим бойцом!

– Пока он не горит желанием, – произношу поджигая губы.

– Осторожнее, не сломайте ему ничего! Он нужен мне в целости! – Герман орет на охрану, те умиряются и встают вокруг лежащего на земле мужчины.

Тот судя по всему в отключке, потому что больше не сопротивляется и не брыкается. Его уложили на живот, голова чуть повернута набок, я не вижу его лица, но отмечаю, что у мужчины такие же темные волосы без единой ниточки седины. Я не уверена, но ему кажется нет еще и тридцати. Он хорошо сложен, но это не помогло ему выстоять против пятерых охранников Германа. – Несите его в клетку, поживет пару дней без еды и воды, поубавит спеси!

Пятеро с трудом поднимают лежащего и несут в сторону заднего двора поместья.

– Через неделю к нам наведаются гости, – Герман провожает взглядом охрану. – Сеймур приезжает. Надо устроить теплый прием.

– Вы же не ладите с братом... – говорю задумчиво.

– Я планирую расширять бизнес, а у Сеймура есть деньги. Он вложится в оборот, но пока об этом не знает.

– Хочешь, чтобы я подобрала девочку из новеньких?

– Да, пускай ее обучат и подготовят. Сеймур всегда был падок на девственниц.

– Это ваша семейная черта, – произношу, улыбаясь одними глазами. Герман обнажает ряд белых зубов и снова при-

тягивает меня к себе.

– У меня было много девственниц. Но ни одна не задерживалась в постели дольше одной ночи. Кроме тебя...

Улыбаюсь. Одному Богу известно, чего мне стоило стать фавориткой главы этой фамилии.

– Ты сам выбрал меня, – веду плечом, бретелька соскальзывает, и Герман пожирает взглядом обнажившуюся кожу.

– Иди, займись подготовкой к приезду Сеймура, пока я не взял тебя прямо здесь. Устрой настоящий праздник, надо пустить ему пыль в глаза, пусть думает, что ему тут рады.

– Как скажешь, мой господин... – Медленно разворачиваюсь и шагаю к поместью, покачивая бедрами. Я знаю, он смотрит, смотрит и дуреет, именно для этого я и устраиваю такие дефиле. Герман Орсини похотливое животное, и если я не буду постоянно услаждать зверя внутри него, этот зверь найдет себе новую добычу. А меня, как наложницу, к которой вожак потерял интерес, переведут в покои для ублажения гостей, останавливающихся в поместье. Именно это и побуждает меня прогибаться под него. Иначе просто сгину.

Шагаю к поместью, надеясь разыскать Таисию. Она должно быть на заднем дворе контролирует работу персонала. Направляюсь туда.

Огибаю особняк Орсини, любясь царящей тут гармонией.

Со стороны поместье выглядит идеально. Каменные стены цвета яичной скорлупы утопают в зарослях дикого винограда. Всюду клумбы с яркими петуниями, розовыми куста-

ми, зарослями астильбы. Аккуратно выстриженный кизильник обрамляет выложенные камнем дорожки.

Целый штат садовников занимается поддержанием тут порядка. Так, что именитые гости, заходя на территорию поместья, восторгаются ландшафтом.

Но эта показушная идеальность обманчива. На заднем дворе держат рабов. Казалось бы, двадцать первый век, как такое возможно?

Отец Германа, Рудольф – основатель прибыльного в свое время бизнеса. Торговля живым товаром принесла клану Орсини баснословные деньги, и надо ли говорить, что они продолжают развивать эту сферу с остервенением. И нет в мире силы, способной прикрыть их притон и вывести на чистую воду его глав. Каждый политик в радиусе тысячи километров сидит у их кормушки. И никто из продажных служащих не захочет кусать руку, которая их кормит.

Иду вдоль забора из кирпича. Он скрывает все уродство этого поместья, его неприглядную сторону, которая не предназначена для посторонних глаз. Встаю у калитки, охранник покорно отворяет для меня дверь, не поднимая глаз выше моих колен. Он знает, что любого, кто будет глазеть, ждет смерть от рук Германа. И не важно, увидел ли хозяин нарушителя сам, или же ему о том доложили другие охранники. Итог будет один.

Вхожу во двор, где рядами расположены клетки. Часть из них пустует, часть отдана рабам. Прохожу мимо железных

прутьев, взгляд против воли скатывается к клетке, куда бросили новенького, предварительно раздев его. Это один из видов издевательств. Жестокая попытка прогнуть человека, сделать так, чтобы для начала он заслужил одежду. Из присутствующих рабов тут раздет только этот.

Он пришел в себя. Сидит, прижавшись к прутьям клетки спиной. Поднял голову, смотрит на всех свысока, нисколько не стесняясь своей наготы. И надо отдать ему должное, его тело ходячее произведение искусства. Гора мышц упакована в силуэт Адониса: крепкие руки, широченная грудь, узкая талия, подчеркнутая чеканными кубиками пресса, упругие, накачанные в меру бедра, длинные сильные ноги. Отмечаю все это мельком, и собираюсь отвести взгляд, но меня будто магнитом притягивает к лицу незнакомца.

Поднимаю взор, и будто молнией пронзает ярко-зелеными лазерами, пристально приклеенными к моему лицу. Новенький изучает меня с интересом и задумчивостью.

Высокомерно отворачиваюсь, давая понять, что не намерена вести с ним эту молчаливую дуэль.

Вижу вдалеке Таисию, направляюсь к ней, собираясь попросить помощь в организации торжества. Но чем дальше я от его клетки, тем острее между лопатками жжет пристальный взгляд незнакомца.

И это точно не к добру.

Глава 3

– Торжество лучше устроить в большом зале, туда может вместиться более трех сотен человек. Я разошлю приглашения всем господам, организую для них комнаты в особняке. Требуется от меня еще какая-то помощь? – Таисия убирает блокнот, в котором делала пометки, в карман своего широкого передника и поднимает на меня взор. Темно-карие глаза, черные волосы, тронутые сединой, нос с горбинкой. Она явно имеет армянские корни, и чем-то напоминает располневшую Варнаву. И если бы я не знала эту женщину так хорошо, я решила бы, что ей правда интересен ответ. Но я узнала ее, как только попала в особняк, и понимаю, насколько она лицемерна и двулична. И знаю, что она меня на дух не переносит, но эмоции свои держит при себе, потому что Герман с нее шкуру спустит, если заметит хотя бы намек на неуважение.

– Да, мне нужен человек на кухне. Повар, желательно опытный, кто смог бы заняться приготовлением закусок и основных блюд.

– Я предупрежу персонал, наш повар опытен и справится с подготовкой к приему.

Это все? – снова читается между строк, и я терпеливо выдыхаю и медленно произношу.

– Мне надо, чтобы прием прошел в лучшем виде. Герман

хочет наладить отношения с братом, и для него важно, чтобы все прошло идеально, – объясняю терпеливо, как ребенку, – и раз уж нам придется работать бок о бок, предлагаю зарыть поглубже взаимную неприязнь, и хотя бы на время восстановить перемирие. Это всё.

Таисия кивает, но уже без прежнего пренебрежения, и уходит, оставляя меня во дворе одну. А я смотрю ей вслед и размышляю, как поразительно порой меняется жизнь.

Когда меня привезли в поместье, я была наивной дурочкой, мечтавшей о красивом будущем. Нам обещали работу моделей, плотный график съемок и большие гонорары. А на деле, мы оказались в притоне, где у нас забрали паспорта и телефоны. Запретили звонить близким и уезжать. Да и вряд ли кто-то из нас мог бы сбежать, ведь из аэропорта нас забрали на микроавтобусе, без окон и мы даже не знали, куда нас везут. В тот момент никто из нас не мог себе представить, чем обернется такая вот беспечность.

Но нам еще повезло, нас доставили в целости, а вот некоторые девушки попали сюда похищенными прямо с улицы.

Девственницы в этой фамилии ценятся на вес золота, я ни раз видела, как такие уходят с аукциона за баснословные деньги. И если повезет, тот, кто тебя купит, оставит себе или подарит свободу после. А если не повезет, просто использует и вернет в поместье, где тебя вынудят заниматься проституцией, ведь именитые гости, периодически навещающие Германа, прекрасно знают, что тут можно найти девочку на лю-

бой вкус и цвет.

И я в который раз убеждаюсь, как мне повезло. Я оказалась девственницей и настолько запала в душу хозяину, что он не стал выставлять меня на аукцион и взял себе. А после я согревала его постель много лет, и научилась, как делать так, чтобы ему не хотелось заменять меня кем-то. В восемнадцать лет я была идиоткой, но спустя шесть лет кажусь себе почти ветераном, после всего, чего насмотрелась в этой фамилии.

Я долго работала, чтобы заслужить доверие Германа. И мне удалось. Ведь никогда раньше Герман не поручал мне проконтролировать подготовку к приему. И это по-своему развязывает мне руки, наделяет особыми полномочиями. Теперь я могу общаться с любым из присутствующих в поместье и не вызывать при этом подозрений. А так сообщников найти гораздо легче. И сбежать, надеюсь, будет гораздо легче.

Шагаю в сторону кухни, надеясь встретить там повара и обсудить с ним меню. Отдалено слышу разговор охраны.

– Этот новенький просто зверь.

Не надо даже объяснять, я понимаю, о ком они.

– Одному сломал руку, второму несколько ребер, а мне повезло, отделался разбитой переносицей и подбитым глазом, – рассказчик похоже бахвалится, а я не могу заставить себя не вслушиваться.

Поднимаюсь на верхнюю ступень, берусь за ручку черного

хода и, вместо того, чтобы войти в поместье, все-таки поддаюсь соблазну, и в оборачиваюсь в сторону клеток. И меня тут же обдает жаром стыда и страха. Новенький ловит мой взгляд, теперь он знает, что я обернулась, чтобы посмотреть на него. Я резко отворачиваюсь и дергаю дверь, очень надеюсь, что эта расплзающаяся по его лицу улыбка мне помешалась.

Глава 4

День приема близится, кажется, что времени организовать все не хватит, но мы каким-то чудом справляемся.

Я иду вдоль особняка, проверяя, все ли готово к приему. Сад украшен подвесными фонарями, вдоль дорожек установлены лавочки, к ним небольшие столики для шампанского, на случай, если некоторым гостям захочется пройтись и подышать воздухом. Садовники постарались на славу и разбили еще несколько клумб с цветами, привели в порядок фонтан, который уже несколько недель стоял на ремонте. Сад ожил, и приятное журчание воды в такую жару будет притягивать гостей как мух на мед.

– Надо поставить у фонтана несколько лавочек, – команду Таисии, которая терпеливо идет следом. Та, кивает.

– Я распоряжусь, чтобы это сделали сегодня же.

– Рабы переведены из клеток? – задаю вопрос, который с самого утра меня мучает. В честь дня приема, было решено убрать мужчин, которых держали в клетках, в закрытые помещения. И в том числе буйного новенького, который не остановился на достигнутом, и помял еще несколько представителей охраны.

Поместье очень хорошо охраняется, люди Германа вооружены, но не смотря на это я не могу отделаться от понимания, что нахожусь в опасности. Я старалась избегать заднего

двора особняка, чтобы больше не сталкиваться с новеньким, но каждый раз, стоит мне войти на кухню, я снова и снова оказываюсь у окна и ищу глазами клетку, в которую его поселили.

Герман готовит новенького к боям без правил, поэтому охране запрещено бить его и использовать оружие. Расклад не в их пользу, чем этот амбал так успешно пользуется.

– Их должны перевести сегодня, – Таисия рассеянно ведет плечом, она не придавала значения этому вопросу.

– Надо убрать их с улицы, они могут испортить прием, если кто-то из гостей наткнется на клетки, – настойчиво давлую, Таисия кивает.

– Я проконтролирую.

– Отлично, – отзываюсь и, в последний раз окинув сад взглядом, разворачиваюсь к дому. – Завтра прием и все должно пройти с блеском. Права на ошибку у нас нет.

– Я проконтролирую, – повторяет Таисия, и идет следом.

– Та девушка, она точно девственница? – спрашиваю, имея в виду подарок Германа его брату. Он просил подготовить для родственника покорную молодую девушку, которая скрасит пребывание того в поместье.

– Да, ее полностью проверил врач, все анализы в порядке. Она ни разу не была с мужчиной.

– Хорошо, в какой она комнате?

– В розовой спальне на втором этаже.

Киваю, вхожу в особняк, собираюсь посмотреть на пода-

рок и убедиться, что все в порядке.

Розовую спальню нахожу без труда, открываю дверь, замечаю тень у кровати. Девушка вздрогнула при моем появлении и поднялась на ноги, отступая к стене.

– Кто вы? – она испуганно смотрит на меня, и я вдруг ощущаю в груди что-то очень напоминающее тоску. Шесть лет назад я точно так же вздрагивала от каждого шороха в этом гребаном аду и точно так же пугалась каждого, кто бы не вошел в спальню.

– Я тебя не обижу, присядь... – примирительно произношу, девушка мне не верит. И отчасти я даже горжусь ей за это. Но спорить она не решается, аккуратно присаживается на край кровати и складывает руки на груди. Белый пеньюар натягивается, и я отмечаю, что подобный носила я в ту ночь, когда меня отвели к Герману в спальню. Фигура у новенькой хорошая: тонкая талия, аккуратная грудь, изящные запястья, длинные ноги. Волосы кажется не крашенные, что в наше время встречается довольно редко, особенно в случае с блондом. И эти проникновенные голубые глаза кажется заглядывают в самую душу. Сеймуру понравится такой подарок. – Меня зовут Мира. Я пришла, чтобы удостовериться, что с тобой обращаются хорошо.

Представляюсь и говорю спокойно.

– Как тебя зовут?

– Лилия, – отзывается робко.

– Как ты попала сюда, Лилия?

Несколько долгих секунд она молчит, будто взвешивает за и против, но все же отвечает.

– Меня похитили из ночного клуба. Мы с подружкой пошли туда отметить окончание первого курса. И какие-то мужчины угостили нас коктейлями... А дальше я...

– Здесь все не так плохо, как могло бы быть, – после короткой паузы я заговариваю. – Тебе повезло, что ты девственница. Завтра в этот дом придет важный гость. Тебя готовят для него.

Её глаза округляются, и я замечаю, что тонкие пальцы на локтях сжимаются сильнее.

– Если ты сумеешь понравиться ему, он заберет тебя с собой, и ты сможешь сбежать из этого ада.

Последнее слово повисает в воздухе, и я готова откусить себе язык за эту откровенность, но слишком поздно. Лилия впивается в мое лицо взглядом и не дышит.

– У тебя кто-то есть? Там на родине? Родители, друзья?

– Да, – она торопливо кивает и ее настороженный взгляд слегка теплеет. – Дядя...

– Ты должна быть сильной ради него, понимаешь?

Кивает. Я продолжаю.

– Если ты будешь делать все, что от тебя требуют, ты увидишь его снова. Но нужно быть терпеливой. Это может произойти не завтра и даже не через год, понимаешь?

Нехотя, но кивает.

– Ты знаешь, что происходит в постели между мужчиной

и женщиной? – говорю спокойно, вспоминаю свой первый раз и какой неопытной была, и тут же отгоняю неприятные мысли.

– Да, – говорит тихо.

– Хорошо. Завтра ты должна быть покорной и терпеливой. Я не знаю, хороший ли любовник тот мужчина, которому тебя прочат, но полагаю да. О нем ходит дурная слава ловеласа, а значит, он как минимум знает, что делать с девушкой, и как сделать ее первый раз менее болезненным.

Лилия кажется не дышит, и я вздыхаю, понимая, что в попытке успокоить ее только напугала еще больше.

– Моя комната дальше по коридору. Я сплю в хозяйской спальне. И если тебе что-то понадобится, обратись к любой горничной и попроси, чтобы отвели тебя к Мирославе. Они меня найдут.

Поднимаюсь с кровати, собираясь наконец уйти, но слова Лилии меня останавливают.

– Сколько времени вы тут?

Опускаю взгляд, понимая, что если скажу правду, навсегда погублю в ней надежду на то, что она когда-то освободится.

– Почти два года, дорогая, – лгу и, развернувшись, покидаю комнату.

Глава 5

День приема начался сумбурно. Во-первых, с утра пришли месячные, а это значит, что я не беременна от Германа.

От этой мысли настроение улучшилось.

Герману потребовалось уехать из поместья, и я осталась одна в спальне, как в ту нашу ночь.

Платье, еще вчера приготовленное Таисией для меня, висит на плечиках у большого зеркала. Там же стоят босоножки.

Смотрю на брендовые вещи и размышляю.

Если бы я попала сюда не девственницей, я наверняка бы работала сейчас в каком-то борделе без надежды на светлое будущее. Но так случилось, что Герман выбрал меня, и теперь жизнь похожа на сказку. Но лишь со стороны.

На самом деле я точно такой же раб, которых держат в клетках внизу, я точно так же подчиняюсь хозяину, я точно так же не принадлежу себе. Это всё подано под соусом золота и больших денег, но реальность такова: если я надоем Герману, тут же окажусь в клетках с рабами внизу. И мне категорически нельзя этого допускать.

Встаю, привожу себя в порядок и спускаюсь к завтраку. После решаю пойти и убедиться, что клетки с рабами убрали. Спускаюсь во двор и замираю на крыльце кухни, глядя на то, как охрана выводит заключенных. Те покорно шагают,

окруженные конвоем. В клетках остался лишь один человек. Он по-прежнему наг и полон несгибаемого упрямства.

Медленно спускаюсь по ступеням, подхожу к клетке новенького и встаю напротив него, давя своим взглядом.

– Тебе лучше усмирить пыл, – произношу ровно. Мне запрещено разговаривать с рабами, но Герман не рискнет убивать бойца, который может принести ему целое состояние на боях без правил. Да и в это время двор пуст, конвой и рабы скрылись в помещениях с толстыми стенами, и никто не сможет доложить ему, что я разговаривала с новеньким. – Они переведут тебя в комнаты прислуги, если ты начнешь подчиняться.

Он молчит, и не смотря на то, что я стою выше его, мне все равно кажется, что это именно он смотрит на меня сверху вниз. Его взгляд тяжелый и такой же давящий. Он пропитан неприкрытой неприязнью, но в глубине его что-то еще. Что-то, что я не могу пока проанализировать.

– Охране отдали приказ не трогать тебя, но они будут издеваться, пока ты не подчинишься.

Снова молчание, которое уже начинает давить.

Понимаю, что он не ответит, выдыхаю устало и опускаю взгляд на прутья, за которые безотчетно взялась. И замираю, осознав, что клетка не заперта.

Дверь плотно прикрыта, но тоненького язычка замка в щели нет.

Мои зрачки расширяются, я скидываю голову, чтобы по-

звать охрану. Но все внутри обрывается, когда мои запястья обжигает каменной хваткой, и меня грубо подтягивают к клетке в упор. Я ударяюсь грудью о прутья, отклоняю голову назад, чтобы не ушибиться о них же лицом.

– Попробуй только рот открыть... – угрожающе шипит, испепеляя меня глазами. – Если сдашь, я сделаю так, что ты пожалеешь об этом.

Меня трясет, прутья больно давят на грудь и бедра, руки жжет стальная хватка новенького. В том, что он сломал охраннику руку и несколько ребер, теперь нет сомнений. Его силы хватит, чтобы сделать то же самое со мной, и о чем я только думала, когда подходила к клетке?

Не дышу, глядя в полные ненависти глаза. Я даже не сразу понимаю, что он отпустил одно запястье, пережав его пальцами второй руки, и стиснул вместо этого мою шею. И только когда голову обносит, и я пытаюсь сделать вдох, у меня не выходит. И я еще больше паникую, вздрагиваю, пытаюсь дернуться, но хватка сродни стальным прутьям теперь опоясывает мою шею.

Открываю рот как рыба, выброшенная на берег, и тут же закрываю, не сумев вдохнуть.

– Значит, это ты его главная подстилка, – проникновенный тон заставляет меня покрыться мурашками страха, и я ощущаю, как по щеке скатывается слезинка. – И что ты такого умеешь, что он предпочел тебя сотне других?

Перед глазами начинают мелькать звездочки – явный при-

знак нехватки кислорода. Я бы пошевелилась, но он так крепко удерживает меня, что я не в силах даже дернуться. Мои глаза начинают закатываться.

Новенький резко отпускает меня и отталкивает, слыша голоса охраны где-то за стеной. Я отшагиваю, и только потом, осознав, что он больше не достанет, хватаюсь за шею и закашливаюсь. Закашливаюсь, захлебываясь кислородом, который теперь как запойная наркоманка пытаюсь проглотить весь.

– Тебя... – задыхаюсь, с ненавистью глядя в глаза новенькому. – Тебя убьют сегодня же... Ты... Ты...

Он не произносит больше ни слова, но продолжает давяще уничтожать меня взглядом.

Во двор входит охрана, они о чем-то громко болтают и смеются. Меня все еще трясет, и теперь я осознаю, какой дурой была. Я думала, новенький такая же жертва обстоятельств, как и я. Но оказывается он просто больной псих, сродни Герману, готовый убивать и калечить людей, которые пытаются ему помочь.

– Заприте его! – выкрикиваю громко, чем привлекаю внимание мужчин с оружием. – Его клетка открыта!

Охрана торопливо подступает к клетке, один из них убеждается, в моей правоте и торопливо выхватывает связку ключей у второго. Но я не смотрю на них, мой взгляд приклеен к лицу того, кто сейчас стоит по ту сторону прутьев. Такой ненависти и молчаливой агрессии во взгляде я не видела ни-

когда. И вся она сейчас адресована мне одной.

Но не смотря на это, я все равно испытываю удовлетворение.

Глава 6

Сеймур и его люди прибывают ровно в срок. Герман вернулся из поездки чернее тучи. Он ненавидит брата, но вынужден переступить через себя, только бы расширить бизнес.

Поэтому сейчас, стоя в комнате, он нервно застегивает пуговицы белоснежной рубашки, даже не замечая меня.

– Хочешь, я помогу? – сдаюсь, глядя как он, не справившись с петлей в третий раз, злобно всплескивает руками. Тяжело дышит, как раненный зверь, но покорно позволяет застегнуть пуговицы. Я беру с комода запонку и закрепляю на его манжете. Потом беру вторую.

Справляюсь со своей миссией и отступаю, глядя на мужчину напротив. Его дыхание выровнялось, он стал немного спокойнее и в этом отчасти и моя заслуга.

В дверь стучат. Герман кивком приказывает мне разобраться, а сам поворачивается к зеркалу, чтобы привести в порядок свой костюм.

Подхожу к дверям, открываю и выскальзываю в коридор.

– Что случилось? – смотрю на одну из горничных, она покорно отвечает.

– Вас звала девушка со светлыми волосами. Она в розовой комнате...

Киваю, торопливо пересекаю коридор, останавливаюсь у

нужной двери, стучу и тут же открываю.

Лилия сидит у окна и давится слезами. При моем появлении соскакивает и бросается ко мне, падая в ноги.

– Пожалуйста, не заставляйте меня! Я не смогу! Он просто огромный, он же разорвет меня на части! – Сквозь поток ее истерики, я отмечаю, что ее тоже приодели к балу. На ней сейчас серебристое платье в тон светлым волосам. Оно переливается камнями страз, поблескивая в свете лампы. Поднимаю пленницу и отвожу к кровати, она покорно усаживается, ничего вокруг не видя. – Я все сделаю, что только попросите, но прошу, не заставляйте меня ложиться под него!

– Под Сеймура? – спрашиваю растерянно. Она кивает и указывает на окно. Я встаю, иду к нему и выглядываю. В саду в окружении нескольких мужчин стоит брат Германа. И я понимаю, почему Лилия запаниковала.

Да он огромен, широк в плечах, могуч и крепок. Смокинг на его широкой спине едва не трещит по швам, а белая рубашка едва не лопается на груди. Он выглядит устрашающе. Вздыхаю.

– Если ты будешь послушной, он не причинит тебе боли, – поворачиваюсь к Лилие, примирительно заговариваю. – Да Сеймур крепкий мужчина, но я ни разу не слышала о его жестокости. Если бы он был таким... – как его брат – об этом умалчиваю, – слухи бы обязательно дошли до нашей Фамилии.

Подхожу к кровати, опускаюсь рядом с Лилией и цепляю

ее руку.

– Не бойся его. Просто представь, что это происходит не с тобой.

– Я не смогу, – мотает головой в стороны, белые волосы хлещут по мокрым щекам, прилипают к ним. – Я не могу.

– Так, послушай меня! – отпускаю ее руку и обхватываю плечи, вынуждая развернуться ко мне лицом. – Тебе надо привести себя в порядок и идти к гостям. И улыбаться. Понимаешь? Никому не интересно, что у тебя в душе в этот момент. Ты можешь продолжать плакать и злить Германа, который итак на волоске от того, чтобы кого-нибудь убить. А можешь сыграть свою роль и обернуть все себе на пользу.

– Но как? – спрашивает растерянно.

– Понравься Сеймуру. Сделай так, чтобы он забрал тебя с собой.

Она хлопает глазами молча. Я продолжаю.

– Как только он уедет и увезет тебя, дождись подходящего момента и беги. А если же ты останешься тут, никогда уже не получишь такого шанса, поверь мне.

Лилия не дышит, но до нее постепенно доходит сказанное мной. Глаза наполняются решимостью.

– Мне пора, Герман хватится меня, – поднимаюсь, иду к двери. Берусь за ручку, медлю. – Твоя судьба в твоих руках, Лилия. Не упусти свой шанс.

Покидаю ее комнату, мысленно молясь, чтобы у нее все сложилось лучше, чем у меня.

Глава 7

Спускаюсь в зал для приемов, то и дело поглаживая свое платье на бедрах. Я волнуюсь, ладони потеют, дрожь не прекращается.

Тот инцидент с новеньким остался позади, но я все равно опасаясь, что кто-то мог нас видеть. Теперь, спустя несколько часов меня не покидает ощущение, что я что-то упустила. Но я не могу понять, что.

В зале полно народа, замечаю среди гостей Германа, но вместо того, чтобы пойти к нему, разворачиваюсь и иду в сторону туалетов.

Там закрываюсь и встаю у зеркала, глядя прямо в глаза своему отражению.

Отчего у меня такое дурное предчувствие? Как избавиться от этого прожигающего чувства?

Открываю воду и смачиваю запястья. Шум крови в ушах затихает, но легче не становится. Я вижу, как мои руки дрожат.

Ударяю по барашку, поднимаю голову.

Безупречный макияж, темные волосы, убранные наверх, открытая шея.

Я замазала синяки от хватки новенького тональным кремом, но там под его слоем они есть. И это напоминает о том, как опрометчиво я поступила днем.

Выхожу из уборной. Натыкаюсь на Германа.

Тот нетерпеливо рычит.

– Бери эту маленькую шлюшку и живо в мой кабинет! – его явная злость пугает, но я лишь суетливо киваю и исполняю приказ. Лилию нахожу в ее комнате, она подкрасила глаза и сейчас выглядит лучше, чем до этого. И я отмечаю, что девушка по-настоящему красива. Сеймуру понравится такой подарок.

– Идем, – беру ее за руку и веду на первый этаж. Гул шумной компании встречает нас у самой высоты лестницы и провожает до ее основания. Спускаемся, торопливо идем сквозь гостей, стараясь не сталкиваться ни с кем взглядами. Это может быть чревато. Подходим к деревянной двери кабинета, и я останавливаюсь, поворачиваясь к Лилии. – Думай о дяде, и все будет хорошо.

Стучу, слышу, как по ту сторону отзывается Герман, приглашая войти, и слушаюсь.

Открываю дверь, оглядывая кабинет, и останавливаюсь на пороге. Медленно киваю, приветствуя Сеймура, потом обращаю взор Герману и жду. Тот дает знак вести Лилию.

– Ты пришел ко мне с подарком, дорогой брат, и я в долгу не останусь, – Герман великодушно улыбается, ведя рукой в сторону, как бы демонстрируя свой дар. Лилия замирает на пороге, опустив голову, практически прижав подбородок к груди и дрожит. – Можешь забрать ее с собой.

Сеймур, который до этого лениво развалился в кресле, по-

ворачивает взгляд к дверям и оглядывает меня с ног до головы, оценивающе. Я нервно бросаю взор на Германа, надеюсь, что он не поймет это неправильно, но тот больше озабочен реакцией брата, чем моей.

– Которая? – нехотя выдает, будто пришибает каменной плитой своим тоном.

– Блондинка, – раздраженно поясняет Герман. Сеймур переводит взгляд на Лилию и так же беспристрастно оценивает ее. И я понимаю, что у них с Германом на самом деле гораздо больше общего, чем мне казалось. Сеймур точно так же равнодушен к людским судьбам и относится к этому как к товару. Оценивает Лилию как скаковую кобылу на торгах.

Резко поднимается с кресла, в два шага пересекает кабинет и останавливается напротив Лилии, изучая ту свысока. Грубо цепляет ее подбородок, заставляя запрокинуть голову назад. И я со страхом понимаю, что на щеках Лилии дорожки от слез. Она все-таки дала волю эмоциям, хотя я и просила ее держаться. Но то, как смело она смотрит в глаза страху, сейчас поражает до глубины души. Её прозрачные глаза распахнуты и округлены как блюдца, розовые губы искусаны до красноты, грудь в вырезе стеклянного платья дрожит.

Сеймур раздраженно скалит верхнюю губу и медленно выдает.

– Жаль.

А потом разворачивается и уходит обратно к креслу.

И Лилия обмирает, едва не падает, я успеваю подступить

к ней и поддержать под локоть. Вопросительно смотрю на Германа. Тот зол как черт, но сдерживается.

– Присядьте, выпейте с нами, – радушно скалится и указывает на свободные места на диване.

Я веду туда Лилию и усаживаю. Герман тем временем наливает нам два бокала шампанского, и я замечаю, что в один из них он добавляет какой-то порошок. Но этот жест настолько короткий и незаметен, что никто, кроме меня не обращает на него внимания.

Герман с бокалами подходит и протягивает мне обычное шампанское, толкая Лилию то самое, с порошком. Как только она его берет, хозяин дома занимает место в кресле напротив брата и салютует ему.

– За прекрасный пол. Они никогда не дадут нам забыть о наших слабостях.

Мужчины после секундной напряженной паузы прикладываются к стаканам с виски, и я машинально отпиваю глоток шампанского, с досадой отмечая, что Лилия осушила бокал залпом. Надеюсь, там был не мышьяк. Она закашливается, и я, извинившись, поднимаюсь, чтобы налить ей воды. Подаю стакан, она благодарно принимает его и припадает к его краю. Отмечаю, что Сеймур глаз не отводит от блондинки, но смотрит как-то странно. В его глазах интерес перемешивается с отвращением и чем-то еще, что я пока не могу вычислить.

Лилию становится лучше, и я опускаюсь рядом с ней,

вновь беря свой бокал в руки.

– У Мирославы прекрасный голос, спой нам! – обращается ко мне, но смотрит на брата. Я обмираю от его приказа, не зная, плакать мне или смеяться. Но послушаться не рискую. Делаю вдох и покорно подчиняюсь, понимая, что Герману доставляет удовольствие подчеркивать свое превосходство в любой ситуации. И я ненавижу его за это.

Глава 8

Когда последние строчки спеты, я опускаю голову и покорно затихаю, ожидая новых указаний от Германа. Да, это унизительно, подчиняться его приказам, но выбора у меня нет. Рабам никогда не дают выбор.

– Спасибо, милая, – Герман радушно улыбается и кивает в сторону бара. – А теперь налейте-ка нам с Сеймуром еще по бокальчику.

Я киваю, Лилия тоже понимает, что эти слова обращены к нам обоим, и мы встаем.

Пересекаем широкий кабинет и останавливаемся у бара. Я отмечаю, что Сеймур хоть и не хочет подавать вида, украдкой наблюдает за Лилией. Разглядывает ее из под опущенных ресниц, лениво оценивает. И это настораживает и одновременно радует, ведь если она заинтересовала его, скорее всего, он заберет ее из дома этой фамилии, и у Лилии появится шанс сбежать.

– Подай стакан, пожалуйста, – киваю на поднос, где аккуратно выставлены хрустальные принадлежности. Лилия кивает и дрожащей рукой берет оный предмет, который тут же выскальзывает из ее рук и стрелой летит вниз. Ударяется о паркет и рассыпается на миллион осколков. Я шиплю проклятия, и мы тут же взволнованно присаживаемся, чтобы убрать мусор.

Мужчины, слыша шум, покидают свои места и оказываются над нами.

– Ай! – Лилия вздрагивает, роняет осколок, который схватила. И я замечаю на ее пальце разрез, из которого сочится кровь.

– Я поищу аптечку... – поднимаюсь с ней на ноги и окидываю кабинет взглядом, но ощутив на плече руку, поднимаю взгляд на Германа.

– Я разберусь, – Сеймур повелительно осаживает меня и, цепляя Лилию под локоть, ведет в сторону выхода из кабинета. Блондинка рядом с ним выглядит еще миниатюрнее. На фоне его огромного тела и могучих мышц она кажется Дюймовочкой, и я искренне надеюсь, что он не причинит ей вреда.

За ними закрывается дверь, и я понимаю, что мы с Германом так не проронили и ни слова после. Отмираю.

– Я сейчас все уберу, – намереваюсь заняться осколками, но меня останавливают.

– Она понравилась ему, – задумчиво тянет Герман, и я киваю, замечая в его глазах нехороший блеск. Леденею внутри, уже понимая, что этот блеск появляется в моменты, когда он в ярости. – Но он хочет тебя.

Обмираю, каменею, тело сковывает страх, а мозг лихорадочно ищет ответы на вопрос, который он не задал, чтобы оправдаться.

– Я не давала ему повода... – сбивчиво шепчу, боясь под-

нять голову, чтобы не спровоцировать новую волну истерики своего хозяина.

– Ха! – оглушает пренебрежением. – А не ты ли строила ему глазки, когда вошла в кабинет, м?

Я торопливо мотаю головой, чувствую, как от напряжения каменеют шея и подбородок.

– Тогда ответь, где, черт подери, тебя носило в разгар приема? – повышает голос, и я отступаю назад, понимая, что с такой его яростью я еще не сталкивалась. Обычно такие эмоции Герман обращал на рабов или провинившихся охранников. Но никогда раньше не вел себя так со мной. И это пугает и сбивает с толку.

– Я... Я была в комнате у Лилии...

– Врешь! – замахивается и бьет наотмашь. Моя голова дергается в сторону, и я на секунду теряюсь. Хватаюсь за щеку, отступаю на несколько шагов. Под ногами хрустит стекло, а кожа под моими пальцами пульсирует, но я не выпускаю из вида Германа. Он полон решимости не останавливаться на достигнутом. – Ты хотела запрыгнуть на его член, шлюха?

– Нет... – говорю не для того, чтобы оправдаться. Мотаю головой, когда вижу, как он берет со стола самурайский меч, видимо подарок Сеймура, и расчехляет. Украдкой оглядываюсь, понимая, что он загнал меня в угол и теперь мне не сбежать. Позади стена, сбоку шкафы с книгами, а впереди больной на голову мужчина, жаждущий крови. – Герман, ты все не так понял...

– Просвети меня! – останавливается в шаге от меня и поднимает длинную катану. Я вжимаюсь в стену спиной. Меня бросает в пот и одновременно пробивает дрожь. – Скажи...

Издевательски тянет, аккуратно утыкает кончик меча в мое плечо прямо над бретелькой, скользит сталью по коже, оставляя алую полоску не толще росчерка перьевой ручки. Боль прожигает меня, но я стиснула зубы и не дышу.

– Что же ты молчишь? – давит сильнее, бретелька под натиском его агрессии соскальзывает и рваными краями опадает на лиф платья. – Не реви! Говори!

Я всхлипываю, не в силах понять, что сказать, чтобы он прекратил.

– Я не виновата, что Сеймур на меня смотрел, я не хотела провоцировать его, я просто выполняла твои указания...

– Ложь! – уверенно рвет вторую бретельку, лиф платья ослабевают и скатываются с плеч, наполовину оголяя грудь. Мне хочется прикрыться, зарыдать в голос, но я не двигаюсь, понимая, что любое неверное движение может спровоцировать Германа. – Это ты вертела перед ним хвостом! Собирались прыгнуть к нему в постель?

– Нет! – вздрагиваю, когда Герман взмахом катаны рвет мое длинное в пол платье снизу, ведя мечом между моих ног. Я дрожу, мне страшно пошевелиться, дышать не могу, настолько парализовало страхом. – Герман...

Острие меча касается внутренней поверхности бедра, и я вздрагиваю и еще сильнее вжимаюсь в стену.

И понимая, что другого выбора нет, я решаюсь на ложь.

– Подумай о ребенке... – шепчу, чувствуя как солоно во рту от слез.

И эти слова как ушат ледяной воды отрезвляют моего хозяина, и он отбрасывает меч на пол. А потом напряженно переспрашивает.

– Ты думаешь, что уже...

Я отрицательно мотаю головой, боясь, что он решит проверить, и наткнется на месячные. Но эта тактика сработала, он сменил гнев на милость, и поэтому продолжаю зарываться.

– Я не уверена, но если месячные не начнутся к утру, возможно, что я... Что мы... – не поднимаю головы, покорно прижимаясь к стене. Всхлипываю, но не решаюсь стереть с лица слезы. – Я не знала мужчин, кроме тебя. И не хочу знать. И если ты хочешь меня наказать – наказывай, но не вреди ребенку... Ведь если я беременна...

– Довольно, – Герман устало меня перебивает и с отвращением цедит. – Иди в комнату, умойся и приведи себя в порядок. Замажь раны. Как только прием закончится, я поднимусь в спальню и снова возьму тебя. Если ты права и ты беременна, я извинюсь за это... Но если нет...

Я торопливо киваю и дрожу. Стоит Герману отступить, я стрелой кидаюсь к двери кабинета. Пулей вылетаю из этого ада, придерживая платье на груди. Мне плевать, что гости увидят слезы, кровь на моих плечах, порванное платье. Я

стрелой поднимаюсь на второй этаж и закрываюсь в хозяйской спальне. Дрожу, прижимаюсь к двери спиной и съезжаю на пол.

Если я не сбегу сегодня же, в следующий раз он может не остановиться и просто меня убить. Убить!

Эта мысль прошивает как сквозняк, и я начинаю еще сильнее дрожать, что стучат зубы.

А потом замечаю в стороне окна тень.

Приглядываюсь, моргаю, но тень не растворяется, и даже в темноте комнаты я могу различить в ней силуэт мужчины. Высокого крепкого, до боли знакомого. Он делает шаг ко мне. Я обмираю, всхлипываю, пытаюсь подняться на ноги, но они не слушаются. Слишком много потрясений для одного вечера. Тем временем тень приближается.

– Кто вы? – хрип дерет горло, во рту пересохло, но я все равно продолжаю. – Не подходите, я закричу...

Вскрикиваю, тень оказывается вплотную ко мне, и рывком поднимает меня с пола. Вблизи у тени появляются очертания и очень знакомые линии. И тень яростно рычит.

– Попробуй только пикнуть! – этот голос я узнала бы из тысячи. Кровь в жилах мгновенно стынет, мои глаза расширяются, и я в безмолвном страхе смотрю прямо в глаза новенькому рабу из клетки, который едва не придушил меня днем.

Как он выбрался? Как попал в комнату и самое главное,

зачем? И откуда у него эта одежда?

– Где его сейф, говори, живо! – встряхивает меня, платье как на тряпичной кукле соскальзывает до талии и собирается на ней комком. Зверь напротив опускает полные ярости глаза на мою голую качнувшуюся от его толчка грудь и сглатывает, а потом вновь обращает взор на мое перепуганное лицо. – Где сейф!?

– К-к-картина над креслом... – сбивчиво произношу, покрываясь мурашками страха. Герман не убил меня, но это сделает этот зверь... Прямо сейчас возьмет и придушит меня голыми руками. Киваю за его плечо. – Кресло в углу...

Он украдкой оборачивается, чтобы заметить, где тот самый угол, а я не раздумывая ни секунду, нащупываю рукой глиняную статуэтку на тумбе и замахиваюсь, безошибочно ударяя зверя по виску.

И начинается настоящий ад.

Глава 9

Статуэтка разбивается о его голову с характерным глухим звуком. Зверь на секунду теряется, я кидаюсь к туалетному столику, помня, что в ящике припрятан пистолет. Пользоваться не умею, но сейчас любое оружие может послужить защитой.

Едва успеваю ухватиться за рукоять пистолета, меня сшибают с ног и кубарем валят на ковролин. Звуки борьбы привлекли бы внимание в любой другой день, но сегодня в разгар приема никто не замечает стука на втором этаже, и никто не слышит моих криков.

Больно ударяюсь плечом о пол, вскрикиваю, пытаюсь ударить зверя, но он сильнее. Пятеро мужчин скручивали его на моих глазах, и я понимаю, что мне с ним не тягаться. Но все равно борюсь. Бью, куда только могу достать, пинаю, царапаюсь – сопротивляюсь пока он с силой не фиксирует мои руки к полу своими. Нависает сверху, рычит в ярости.

– Прекрати, сука!

И я застываю. Тяжело дышу, смотрю в его глаза и чувствую, что проиграла эту битву. Порезы от катаны жжет, из них сочится кровь. Тяжесть мужского тела парализует, а понимание того, что я практически обнажена под ним, отрезвляет и заставляет нервно сглотнуть.

– Если ты дернешься, я пристрелю тебя... – произносит

шепотом, потому что мы оба слышим звук шагов в коридоре. Я мысленно молюсь, чтобы это были охранники, которые убьют этого зверя. Вздрагиваю, когда в дверь ударяют один раз, после короткой паузы ударяют еще один раз, а потом резко дважды. Зверь надо мной рычит. – Порядок, все под контролем.

Он обращается к невидимому человеку за дверью, но смотрит на меня.

Шаги в коридоре удаляются, и я понимаю, что этот раб действовал не один. У него есть сообщники. И это пугает и одновременно обнадеживает. Если охрана у Германа упустила это, значит и мой побег возможно удастся... Осталось только дать этому зверю все, что он хочет и пусть проваливается.

– Попробуй только дернуться, – цедит сквозь зубы, и в последний раз окинув мое лицо и обнаженную грудь взглядом, медленно разжимает пальцы, которыми прижимал мои запястья к полу. Чувствую, как ладони покалывает от резкого притока крови и как немеют пальцы. Зверь выпрямляется и встает на ноги. Его огромная фигура кажется еще больше, когда я на полу у его ног. Темная водолазка-свитер облизывает его торс и накачанные руки. Такие же темные брюки под вид военных штанов с карманами обтягивают крепкие бедра. Зверь выпускает обойму, проверяя наличие патронов в пистолете, который без труда у меня отобрал. Я суетливо сажусь, натягиваю платье на грудь, понимая, что глупо было

надеяться, что смогу с ним тягаться. Попытка удрать тоже была глупой.

– Какой пароль от сейфа? – повелительно щелкает предохранителем и смотрит на меня. Я сглатываю. – Оглохла?

– Четыре, три, восемь, один, – дрожь в моем голосе не проходит, но я стараюсь держать себя в руках. Вздрагиваю, когда он нацеливает оружие на меня и мотает дулом в сторону картины.

– Вперед!

Подчиняюсь, встаю на ноги, дрожащими руками удерживая лиф. Подхожу к стене и аккуратно поддеваю картину, убирая ее на пол. За ней белым пятном на темно-зеленой стене выделяется металлическая дверца.

Пальцы дрожат, но я набираю комбинацию и напряженно прислушиваюсь. Кручу барашек, перебирая нужные цифры. Когда замок с характерным звуком щелкает, я невольно расслабляюсь и отступаю в сторону, подпуская зверя к сейфу.

Но он вновь меня пугает и, резко выстрелив рукой, сгребает меня в охапку и прижимает к шее пистолет.

– Без фокусов, – хрипит в висок и, по-прежнему удерживая оружие, второй рукой опустошает сейф. Сгребает деньги, драгоценности на пол, те рассыпаются по ковру веером, очевидно, он пришел не за ними.

Нащупывает в сейфе какие-то бумаги и сгребает папку.

Цепляет ее и подталкивает меня к окну. Ноги не слушаются, и я едва не падаю на пол к его ногам, но каким-то чу-

дом сохраняю равновесие.

Замечаю, что рама приоткрыта, а стекло выбито. Видимо именно так он и попал в комнату Германа.

– Пошла! – тычет мне пистолетом в спину, и я обмираю и полуборачиваюсь, неуверенная, что правильно поняла команду. – Ты меня узнала и при первой возможности сдашь охране. Думаешь, после всего этого я оставлю тебя без присмотра? Ты пойдешь со мной.

Глава 10

– Он убьет тебя, как только поймает! – шиплю, все еще неуверенно стоя у окна. Сзади зверь с пистолетом, впереди пропасть высотой в два этажа и небольшой парапет, по которому он и взобрался сюда. – Ты и шага по двору ступить не успеешь, охрана тебя повяжет.

– Вылезай! – подталкивает пистолетом в спину, и я вздрагиваю и делаю шаг к пропасти. Поднимаю оконную раму, открывая проем шире. Длинная юбка, распластана до самых бедер самурайским мечом Германа, сейчас не сковывает движений, и я перемахиваю ногу на ту сторону, седлая подоконник. Платье так и норовит соскользнуть, и я, что есть силы, прижимаю лиф плечами, дрожащими руками цепляясь за оконный проем. Нащупываю ногой бетонный край парапета и встаю.

Страшно. Безумно страшно! Но палач, держащий меня на мушке, не дает и шанса замедлиться, и я торопливо вышагиваю из окна. Он проворно перемахивает через подоконник и так же ловко в один прыжок спускается на крышу веранды на втором этаже. Делает знак прыгать за ним, но мои пальцы до судорог вцепились в подоконник и я не могу заставить себя разжать их.

– Вниз, живо! – цедит сквозь зубы, и я зажмуриваюсь и прыгаю, готовясь к болезненному падению. Но вместо это-

го меня ловко подхватывают мужские руки, и мой интуитивный выкрик глушит широкая ладонь. – Молчи!

Шипит на ухо, от звука его голоса становится жарко, и я вздрагиваю и дергаюсь в сторону, яростно стряхивая его руки с себя.

– Сюда! – указывает пистолетом на заросли под верандой. И я опомниться не успеваю, как мы оказываемся на газоне. С другой стороны особняка разбит сад, идет шикарный прием, на котором собрались все сливки общества, а здесь тьма и лишь отдаленно слышны музыка и смех гостей. И я понимаю, что закричи я, он тут же выстрелит и никакая охрана не успеет меня спасти. – К забору!

Я оглядываю пустой двор, где держали рабов и это раздражает моего конвоира.

– Ждешь особого приглашения?

Я кошусь вправо, откуда сочится злостью его голос, и торопливо шагаю, куда он велел. Каблуки вязнут в земле, лиф платья тряпкой соскальзывает, и я намертво вцепилась в него руками.

– Тебе дорого обойдется мое похищение! – цежу сквозь зубы, когда мы оказываемся у забора высотой два с половиной метра. – Герман узнает и шкуру с тебя спустит!

– Как пытался спустить с тебя в кабинете, да?

Я вздрагиваю и оборачиваюсь к зверю, испуганно ловя его пронизательный взгляд. Он обо всем знает, понимаю по глазам, и начинаю еще сильнее дрожать. Зверь же подталкива-

ет меня к забору, и стремительно достает откуда-то лестницу. Все это происходит за считанные секунды, но понимание того, что он видел то унижение, что я испытала в кабинете Германа, отравляет безысходностью и болью. Он понимает, что я не нужна главе этой Фамилии, а значит, и убить меня может. А вдруг он именно это и задумал?

– Лезь! – вынуждает меня начать карабкаться по хлипкой лестнице. Подошва туфель скользит. Одной рукой я пытаюсь удержать лиф платья, второй испуганно цепляюсь за ступени. Добираюсь до края забора, замечаю по ту сторону аналогичную лестницу. Неуверенно перебираюсь на нее и оказываюсь на воле. И даже не сразу понимаю, что выбралась из рабства, в котором находилась шесть долгих лет. Застываю, в каком-то ступоре от этой мысли.

Около меня бесшумно приземляется мускулистое тело. Он ловок как ниндзя, быстр как тренированный боец, и силен, как тяжелоатлет. И я каждой секундой я все больше убеждаюсь, что он попал в рабство к Герману не просто так.

– Пошла! – очередной тычок в спину злит до скрежета зубов, но страх быть убитой подталкивает идти дальше. Переставляю ноги, стараясь не давить на пятки, рыхлая земля все равно что болото засасывает каблуки и замедляет меня. Мой конвоир шагает уверенно и быстро. Его раздражает моя медлительность. А я все еще не могу поверить, что выбралась за пределы охраняемого толпой бойцов поместья. Я не выходила за пределы шесть лет. У меня начинает кружиться

голова. – Шагай!

Но вопреки его настойчивости я лишь замедляюсь. Упираюсь рукой в ствол дерева, пытаюсь зачерпнуть как можно больше кислорода в легкие, но это оказывается непосильной задачей. Задыхаюсь.

– Эй, с тобой что? – зверь встает напротив цепляет мое лицо ладонями и заглядывает в глаза. Оттягивает веки, чтобы лучше рассмотреть зрачки, и тут же отскакивает, когда я сгибаюсь в порыве рвоты. – Что за...?

Меня выворачивает, на глаза набегают слезы, живот скручивает спазм.

Около минуты мне требуется, чтобы отдышаться после. Мой конвоир с тихим проклятьем оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что вокруг нас нет охраны Германа, его злит задержка.

– Ты что-то приняла?

Мотаю головой, чувствую, что сил идти дальше не осталось, но меня вновь цепляют за руку и тянут. Только теперь он не шагает позади, как делал все это время, а ведет меня за руку. Мы проскальзываем между стволов вековых сосен. Их кроны осуждающе шумят, не желая отпускать нас из этой фамилии. Лес темными глазами наблюдает за нами как совы в Твин Пиксе. Промозглый для такого лета ветер пронизывает до костей. Вдалеке я замечаю черное пятно. Оно напоминает огромную хижину или...

– Это машина? – срывается с моих губ раньше, чем я успе-

ваю сообразить. Мой конвоир сдергивает брезент, усыпанный ветками сосен, и тот с шелестом падает на землю, оголяя шершавый в черном рапторе пикап. Открывает дверь пассажира, толкает меня внутрь, но вместо того, чтобы просто закрыть ее за мной, пристегивает меня наручниками к ручке. – Эй, ты что?

Злюсь, дергаю за ту, но браслет лишь елозит по пластику вверх и вниз без возможности отцепиться.

– Ты псих? Зачем меня пристегивать?

Мой конвоир лишь раздраженно занимает водительское место и, с легкостью повернув ключ в замке зажигания, заводит мотор.

– Я же не смогу сбежать... Отстегни меня!

Поворачивается ко мне и пришибает недовольным взглядом, намеренно медленно оглядывая меня с макушки до предательски соскальзывающего декольте и обратно. Я замолкаю, только сейчас осознав, что рядом со мной не просто похититель, а мужчина. Мужчина, который вполне может воспользоваться моей беспомощностью и рваное платье ему только на руку.

– Если ты не заткнешь свой рот, это сделаю я.

И после этой фразы мне как-то не хочется спорить, поэтому сглатываю и, вжавшись в сиденье, испуганно замолкаю.

Дорога черной ленточкой вьется под ногами. Пикап подбрасывает на кочках. Мой конвоир гонит, как будто его преследуют все черти ада. И если быть откровенной, я гнала бы

точно так же, только бы поскорее оказаться подальше от этой фамилии.

Фары он не включает. Едем в полнейшей темноте, лишь свет луны сегодня на нашей стороне.

Лесополоса заканчивается, узкая дорога втыкается в асфальтированную трассу и мой конвоир выворачивает на нее и наконец включает фары.

– Ты не убил меня в лесу, пока была возможность, – рассуждаю вслух, потому что искренне недоумеваю, зачем я ему. – Ты выкрал меня, хотя мог бы просто прикончить в той спальне.

Он молчит, хотя я и понимаю, что он меня слышит. Но продолжает равнодушно сжимать руль и вглядываться во мглу далеко впереди.

– Ты хочешь, чтобы я с тобой спала? – напряженно спрашиваю, замечаю как насмешка кривит уголок губ моего конвоира, но он так и не отвечает.

– Может, хочешь выведать у меня какие-то секреты Германа? Но я ничего не знаю, он никогда не делился со мной тайнами.

Снова тишина в ответ, только шум мотора разбавляет ее монотонностью.

– Только не говори, что ты решил забрать меня, чтобы мстить за тот случай во дворе, когда я сдала тебя охране...

Опять тишина, но мотор начинает гудеть слабее, без натуги. И я понимаю, что машина замедляется. Напряженно

кошусь на конвоира и безотчетно вцепляюсь в ручку, к которой пристегнута наручниками.

Мы останавливаемся у обочины. Хлопает водительская дверь. Я остаюсь в салоне одна. Не вижу, куда он пошел, оборачиваюсь, но зверь пропал из вида.

Мне становится спокойнее и одновременно волнительнее. Как будто меч, занесенный над моей головой, опустили и ушли прочь, но складывается ощущение, что ушли за другим оружием.

Дверь пассажира резко открывается, я вздрагиваю и едва не падаю на асфальт, потому что рука тянется за наручниками, а тело одеревенело и приклеилось к сиденью.

– Что ты... – успеваю произнести только два этих слова, мне в лицо тыкают тряпкой, пропахшей хлороформом, и я мгновенно теряю сознание.

Глава 11

Прихожу в себя в полнейшей темноте. Голова раскалывается, перед глазами все плывет, во рту сухо. Я лежу на чем-то твердом, тело затекло. Машинально тянусь к запястью и с облегчением обнаруживаю, что наручников на мне нет. Поднимаю голову, оглядываюсь и не верю своим глазам.

Это что, решетки?

Привстаю на локти, сквозь темную пелену пытаюсь рассмотреть пространство вокруг.

Похоже на тюремную камеру. Три стены сделаны из кирпича, одна полностью из железных решеток. Они довольно узкие, чтобы протиснуться сквозь них, но достаточно широкие, чтобы просунуть руку или даже ногу. Напоминает камеру Джека воробья в первой части франшизы. Мне на ум сразу приходит трюк с петлями, я встаю со своего места – невысокой лежанки, на которую брошен какой-то матрас, больше напоминающий пляжный лежак – и подхожу к дверце. Петли заварены, о том, чтобы сдернуть, их речи нет. На двери крупный амбарный замок.

Дергаю его, но реакции ноль. Ничего не выходит. Он заперт на ключ.

– Окей...

Сглатываю, пересохшее горло саднит. Оборачиваюсь, оглядывая камеру.

В правом ее углу унитаза, а над ним кран с двумя барашками. Подхожу, открываю и с радостью обнаруживаю, что оттуда бежит вода. Насколько я могу разглядеть в темноте – вода чистая, но пить все равно не рискую. Споласкиваю лицо, шею, мою руки, и мне сразу становится легче. Убедившись, что в коридоре у камеры никого нет, вынимаю менструальную чашу и споласкиваю ее. После того как привожу себя в порядок, возвращаюсь на кушетку и забираюсь на нее с ногами. Бретели платья порваны, но мне удается кое-как связать их между собой, чтобы оно не соскальзывало.

Усаживаюсь к прохладной стене спиной и обхватываю колени руками.

Последнее, что я помню – как меня усыпили хлороформом, дальше провал. Сколько я пробыла в отключке? Несколько часов? Тогда почему на улице все еще ночь, хоть глаз выколи?

А может, мне все это приснилось, и Герман просто заточил меня в камеру для рабов после того унижительного разговора в кабинете?

Слышу скрип петель. Где-то вдалеке открывается дверь, и я настороженно наблюдаю за решетчатой стеной, ожидая увидеть за ней охрану с оружием.

Но в поле моего зрения появляется невысокая женщина с каким-то контейнером.

– Вы очнулись, – говорит с акцентом. Толкает ключ в навесной замок и тот без труда поддается. – Мне поручено об-

работать ваши раны.

Я наблюдаю за ней молча. Дверь моей камеры отворяется и первая мысль, которая приходит мне на ум – я смогу оттолкнуть ее и выскочить. Женщина уже в возрасте, и одолеть ее мне не составит труда. Но вот, куда бежать после? Вдруг за дверью вооруженная охрана? Меня же просто пристрелят за любую попытку... Так было бы, окажись я в плену у Германа... И судя по обстановке, нынешний мой похититель едва ли лучше предыдущего.

– Даже не думайте сбежать, – говорит буднично, будто читает мои мысли.

– А вы бы на моем месте не думали об этом? – спрашиваю волком. Женщина ставит около меня свой контейнер и открывает. Он полон бинтов, каких-то бутылочек, шприцов. Она деловито выуживает оттуда ватку и перекись, не удосужившись мне ответить. – Зачем меня держат тут?

Тишина раздражает, а эта неопределенность просто сводит с ума.

– Ответьте! Просто скажите, меня собираются убить? Для чего я нужна вашему хозяину?

– Тебя не хозяин сюда привел, – прижимает ватку к ране на моем плече, и я начинаю шипеть. Пытаюсь отпрянуть, но она давит и красноречиво пришибает меня взглядом. – Ты совершила что-то плохое?

Я растеряна от ее вопроса, поэтому недоуменно смотрю на нее. Она поясняет.

– Ты совершила что-то плохое? Убила человека? Причина боль животному?

– Н-нет... отвечаю искренне. Женщина кивает, как бы указывая на очевидный факт.

– Тогда зачем кому-то тебя убивать?

И этот ее вопрос вселяет в мою душу надежду, хотя и не прогоняет недосказанность и не проясняет ситуацию. Но на этом я успокаиваюсь и больше не задаю вопросов, да и что-то мне подсказывает, от нее мне не добиться ответов.

Она обработала раны и заклеила их пластырем. Все это время мы молчали, и после женщина просто ушла, оставив меня одну. Спустя некоторое время петли в подземелье снова скрипнули, и я увидела свет, пролившийся из открывшегося дверного проема, но после снова стало темно. Чьи-то шаги наполнили тишину, но они отличались от шагов моей лекарши. Они были тверже и увереннее. Чеканнее.

Не было сомнений – так шагает мужчина, который весит как минимум килограмм девяносто. Догадки мои оказались верны, когда в поле моего зрения появилась широкоплечая фигура с подносом.

– Я вижу, ты освоилась... – тот самый похититель, который и притащил меня сюда, останавливается около двери моей темницы. Ловко перекладывает поднос на одну руку, второй открывая замок, затем дверь. Входит в камеру, намеренно отставляя ту открытой, и ставит поднос на кушетку около меня. Его спокойствие и равнодушие так контрастируют

с абсурдом ситуации, что хочется заорать в голос.

Это вообще нормально так себя вести? Делают ли так адекватные люди? Он вообще здоров? Сначала похищать, а потом делать вид, что мы друзья.

– Сара сказала, что твои раны в порядке и заражения нет.

Он продолжает разговаривать сам с собой. Я молчу, едва сдерживая гнев. Да что эти Божки о себе возомнили? Решили, что похищать людей и играть их судьбами – их право? Так вот, их ждет сюрприз!

– Зачем я здесь? – спрашиваю, голыми руками гася угли гнева. Получается с трудом, но я пытаюсь не заорать.

– Если я поселю тебя в комнаты наверху, ты сбежишь, – произносит буднично. Он занял место в изножье кушетки. Между нами поднос с едой, на которую я не глянула даже. Аппетита нет совсем, хочется только убивать, поэтому смотрю на своего похитителя и скрежещу зубами. Попытка потушить угли гнева провалилась. Этот козел откидывается на стену и разваливается на своем месте, как гребаный король положения. Коим и является. И это бесит меня вдвойне.

– Зачем я здесь? Будете меня пытаться? – говорю, заходя на очередной виток гнева. Голос начинает дрожать, но звучит едва звеня.

– А ты знаешь что-то, ради чего тебя следует пытаться? – не отвечает на мой вопрос, и, бросив в мою сторону небрежный взгляд, вновь игнорирует. – Поешь, пока не остыло.

Выстреливаю рукой и смахиваю поднос с кушетки. Посуда

вдребезги, будто взрыв маленькой бомбочки. Повсюду ошметки еды, фарфора, стекла. Звон сходит на «нет», но звенящая тишина лишь набирает обороты.

Мой поступок был импульсивным. Я выместила на подносе весь свой гнев на ситуацию и хозяина положения, и теперь с запозданием понимаю, что поступила опрометчиво, ведь я не знаю, на что он способен. Тем временем мой похититель тяжело набирает в грудь воздух и так же тяжело выдыхает, будто стараясь успокоиться.

– Объявляешь голодовку? – говорит спокойно. Контрастно спокойно на фоне загоревшегося жадной мести взгляда. Мы сидим на противоположных краях кушетки, но кажется, что нас разделяет огромная пропасть, и если он преодолет ее, сразу свернет мне шею.

– Пошел ты к чер... – шиплю, но не успеваю договорить, меня сгребают с места и подволакивают ближе за грудки. Платье трещит по швам, связанные лямки вновь разрываются, и я зажмуриваюсь, готовясь к удару, но его не следует.

– Не ценишь доброго отношения? – шипит мне в лицо, яростно давит из себя слова. – Тогда будем по-плохому.

Одним рывком разрывает шелк на мне до самого пупка, вторым рывком превращает платье в халат с запахом, я обнажаюсь до трусиков, которые в этом ансамбле лишь формальность, и ничего абсолютно не прикрывают. Пытаюсь удержать на себе ткань, но мой похититель без труда сдергивает с меня эти тряпки, отбрасывая на пол коридора у ка-

меры.

Я в ярости отталкиваю его, встаю на липкий пол, поскользываюсь, и меня тут же сгребают сильные руки. Ударяю в пах коленом и попадаю точно в цель, мой похититель валится вместе со мной на пол прямо поверх битой посуды и еды. Злобно шипит ругательства, одним четким, как удар молнии движением срывает с меня трусики, как этикетку с новой рубашки и швыряет туда же.

Наша борьба длится всего пару секунд, он без труда меня скручивает и подминает под себя у самой решетки. Бетон леденит кожу, тяжесть туши похитителя не дает дышать, как и его рука, жестко сжимающая мою шею.

– Непослушных рабов держат в клетках раздетыми. Побудь-ка в моей шкуре.

– Я тебя туда не садила! – ору ему в лицо, понимая, что моя попытка помочь ему тогда выходит боком и сейчас.

– Но ты сдала меня охране. Я все еще помню этот триумф на твоём личике. Ты наслаждалась этим. Тебе нравилась твоя власть.

Сжимает шею, но в этот раз не так крепко, хоть его кисть и зафиксирована надежно.

– А теперь мы поменялись ролями, – произносит глухо. – И чтобы заслужить одежду тебе придется очень постараться...

Смотрит в мои глаза, но внезапно опускает взор ниже и сминает мою нижнюю губу большим пальцем, как бы смазы-

вая с нее помаду, которой нет.

– Можешь начинать прямо сейчас, – великодушно предлагает, но я лишь взбрыкиваю, пытаюсь сбросить его с себя, и мне удается. Но удается не потому, что я такая сильная, а потому что он сам решает прекратить эту возню на полу. Отжимается от пола и в одно движение выпрямляется во весь рост надо мной. Я торопливо сажусь, прикрывая голое тело. Чувствую, как щеки горят от стыда и ненависти к этому зверю. Но головы не поднимаю, в поле моего зрения его колени и все что ниже. Мягкие домашние брюки и тапочки вызывают зависть. Я все отдала бы сейчас, чтобы одеться и обуться, прикрыв все тело до самых пяток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.